

Содержание

Кружилиха5

Евдокия293

В прозрачном золоте, в воздушно-алом сиянье над широкой рекой поднимается солнце. Вместе с солнцем поднимается в небо медленный, торжественный гудок. Он заглушает грохот паровозов, шум машин, человеческие голоса — и беззвучно проходят паровозы по заводскому двору, беззвучно сбрасывают свой груз подъемные краны, беззвучно шевелят губами люди... Могучий гудок долго плывет по реке, его слышат в городе, который стоит в девяти километрах от Кружилихи.

По гудку к проходным устремляются люди. Одни пришли пешком из поселка, другие приехали трамваем, большинство — поездами. Длинные поезда подвозят и подвозят людей к полустанку — из города, из пригородов. Только остановится поезд, народ высыпает из вагонов и спешит к заводу — и приливает, приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-буденовки, вязаные шапки. Мужчины и женщины, брюнеты и блондины, высокие и малорослые, веселые и печальные, озорные и скромные — десять тысяч людей добрых всякого рода-племени сошлось на завод на дневную смену.

Гудок утихает медленно, он словно спускается с высот — ниже, ниже, припадает к земле, расплывается по ней, замирает где-то в недрах глухой басовой нотой. Протекли, разлились по цехам людские потоки. Только охрана осталась в проходных... Смена началась.

Глава первая

ЛИСТОПАД

В морозный январский вечер генерал Листопад, директор Кружилихи, отвез жену в больницу.

Больница была хорошая, лучшая в городе. Мирзоеву, шоферу, приказано ехать с особой осторожностью.

— Чтобы как по воздуху! — сказал Листопад.

И Мирзоев, который во время беременности Клавдии был отмечен как самый внимательный из шоферов, превзошел самого себя: не ехали — плыли.

— Мы тебя, Клаша, словно на руках перенесли, — сказал Листопад, помогая жене выйти из машины.

Стояли у чугунных решетчатых ворот. За воротами был двор с большими белыми деревьями, и в глубине двора — родильный корпус. Над входом в корпус неярко горел фонарь. От ворот к крыльцу, между высокими, в рост человека, сугробами, была расчищена дорожка-ущелье. По этому ущелью Листопад довел Клавдию до крыльца. Она шла быстро, возбужденная; Листопад слышал ее дыхание. Он сжал ее локоть и сказал:

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— Я вовсе не волнуюсь, с чего ты взял? — сказала Клавдия.

В вестибюль вошли вместе, а дальше Листопада не пустили. Пожилая женщина в белом халате и очках завладела Клавдией, а ему велела уходить и взять с собой Клавдину шубку. Шубка новая, котиковая, предмет забот и восторгов Клавдии.

— В самом деле, — сказала Клавдия, — возьми ее домой, а будешь нас забирать — привези, не забудь.

Она радостно засмеялась, и Листопад улыбнулся, представив себе, как повезет отсюда Клашу с ребенком... Он записал номер телефона дежурного врача. Клавдия крепко поцеловала его в губы и пошла вверх по лестнице, сопровождаемая женщиной в очках. Листопад вернулся в машину.

— Вот, — сказал он с притворной досадой, садясь рядом с Мирзоевым, а шубу кладя на заднее сиденье, — вечно наградят какой-нибудь чепухой на постном масле. Никогда не женись, Ахмет, канитель с ними. Придется в театр тащиться с шубой.

В театре происходило в этот вечер совещание городского партактива.

Листопад опоздал. Идя через фойе, он видел в открытую дверь тесные ряды голов в партере и слышал голос Макарова, первого секретаря горкома партии. Судя по долетавшим фразам, Макаров начал доклад уже давно. Через кулисы Листопад прошел на сцену, в президиум. Люди за длинным красным столом потеснились и дали ему место посредине. Сейчас же Зотов, директор авиазавода, прислал ему записку: «Ты что опаздываешь?» Листопад на том же листке написал ответ: «Жену отвозил в родильный». И видел, как записка пошла по рукам и как все читавшие сочувственно улыбались... Зотов перегнулся за спиной соседа к Листопаду и сказал громким шепотом:

— Причина уважительная. Поздравляю.

— Рано! — так же шепотом ответил Листопад, но про себя подумал, что это может произойти каждую минуту.

Надо будет позвонить в больницу из театра после конца заседания...

Он ждал прений. Доклад интересовал его мало: все, что говорил Макаров, предварительно обсуждалось на бюро горкома, и некоторые цифры для доклада Листопад посылал Макарову сегодня утром. Листопад руководил заводом с сорок второго года и был в городе свой человек.

Листопад всматривался в зал. Где там его люди — коммунисты Кружилихи? Рябухина, парторга, здесь нет: он в госпитале, на той неделе ему оперировали флегмону, вызванную засевшим в голени осколком. Вчера Листопад говорил по телефону с профессоршей. Профессорша сказала, что Рябухин еще не раз вернется на операционный стол, потому что возни с осколками, застрявшими в его голени, хватит лет на двадцать... Заехать завтра проведать Рябухина. А приятель Уздечкин где? Вон он, приятель Уздечкин, сидит крайним в пятом ряду и хмуро смотрит в лицо докладчику, а сам думает о Листопаде и до смерти хочет посмотреть на него, но удерживается. И нарочно сел с краю, чтобы ловчее было выходить к трибуне, когда придет время выступить.

Ах, Уздечкин, Уздечкин, ведь сломаешь себе шею дурацким своим упрямством. Доведешь меня до крайности — что с тобой, Уздечкин, будет? Думаешь, тебе рабочие верят больше, чем мне? Не век тебе сидеть на выборной должности. Специальность у тебя пустяковая, да и забыл ты ее за эти годы. Вернуться на производство при твоей амбиции тебе будет ой нелегко!..

У Уздечкина на лице напряженная гримаса, он бледен, худ и некрасив, как все болезненные и плохо побритые люди. И Листопад, который любил все красивое, здоровое и веселое, посматривал на Уздечкина морщась...

Зато приятно смотреть на старика Веденева: он пришел на актив в черной тройке превосходного сукна, хотя и старомодной. На нем белоснежный крахмальный воротничок и темный галстук, усы и седые виски аккуратно подстрижены. Вид именинника. Молодец, Никита Трофимыч! Знай наших. Вот какие у нас на Кружилихе рабочие-кадровики!

Никита Трофимыч сегодня и вправду именинник: он получил известие о старшем сыне Павле (младший убит в сорок третьем году). Павел вылезился, ему сделали протез, он прислал письмо отцу и в свою цеховую парт-организацию. Пишет, что скоро приедет. И старик Веденев, забыв свою гордую сдержанность, сияет от счастья... Да, в такую годину хоть без ноги, но возвращается сын, — большое счастье...

Макаров закончил доклад и сошел с трибуны. Когда он сел на свое место в президиуме, его умный, чуть лукавый взгляд скользнул по лицу Листопада. Листопад понял: Макарову наперед известно все, что будет сейчас говорить Уздечкин. Поддержит он Уздечкина или не поддержит?

Выступали коммунисты — главным образом рабочие Кружилихи и авиазавода. Они говорили о вещах, которые в газетах называются производственными неполадками.

Листопад и сам знал, какие у него неполадки. Это были участки, куда он еще не добрался и где требовалось его вмешательство. Старик Веденев рассказал о том, что новый пресс, о котором столько было разговоров, до сих пор не пущен.

— Мы через партийную организацию и технические совещания неоднократно обращали внимание директора, — сказал он, посмотрев в сторону Листопада.

Листопад кивнул головой: верно, обращали. На секунду ему стало досадно, что всплыла история с прессом. Два месяца назад Зотов чуть не оборвал у него телефонный провод — христом-богом молил: уступи мне пресс, я в следующем квартале получу, отдам. Листопад не уступил. Теперь Зотов обижен. Он пишет записку: «Ты что же как собака на сене: мне не дал и сам не пользуешься...»

Ладно. Пойдет пресс, не завтра — послезавтра пойдет.

После Веденева выступила работница с авиазавода и рассказала, что многие жилища у них в очень плохом состоянии и дирекция не принимает мер. Зотов нахмурился, перестал писать, закачался на стуле... Листопад хотел было написать ему ядовитую записочку, но не успел: на трибуну взошел Уздечкин.

Знакомство Листопада с Уздечкиным произошло меньше года назад. Когда Листопад принял завод, председатель завкома Уздечкин был призван в армию. На фронте его тяжело контузило, он долго лечился, в действующую его обратно не пустили, а послали в Омск, на политработу. Он писал на завод отчаянные письма, прося его выручить и забрать домой. Рябухин занялся этим делом и выхлопотал Уздечкину разрешение вернуться на завод, где его вскоре снова выбрали председателем завкома.

Уздечкин осмотрелся и пришел к Листопаду с кучей претензий.

— Нет, в это вы не путайтесь, будьте любезны, — сказал ему Листопад. — Это предоставьте мне.

— Извините, товарищ директор, — сказал Уздечкин, — разве вы не знаете, что это прямая функция профсоюза?

— Не знаю, — сказал Листопад, которому Уздечкин сразу не понравился. — Это ваша забота — знать свои функции.

— А социалистическое соревнование вы с нас спросите? — осведомился Уздечкин.

— Не я спрошу, — ответил Листопад, — фронт спросит.

— Этот разговор, — сказал Уздечкин, — придется продолжить в другой обстановке.

— Не к чему, — сказал Листопад, — потому что ничего нового вы от меня не услышите.

С того дня, разгораясь и накаляясь, шла эта борьба. Листопада она иногда раздражала; Уздечкина сжигала, как чахотка.

Листопаду говорили, что у Уздечкина большое несчастье: жена его пошла на фронт санитаркой и погибла в самом начале войны; остались две маленькие девочки, подросток — брат жены и больная старуха — теща; Уздечкин в домашней жизни — мученик. Листопад был равнодушен к этим рассказам, потому что Уздечкин ему не нравился.

Что он делает, этот человек! Он вытаскивает из нагрудного кармана гимнастерки целую стопку листков. Кажется, он намерен делать доклад длиннее, чем у Макарова...

Худыми пальцами он пытается застегнуть пуговицу, пуговица отрывается, он роняет ее на пол. Кто-то в президиуме нагибается и подает ему пуговицу.

— Вопрос, товарищи, не в прессе, — говорит Уздечкин, — пресс — это, в общем, мелочь. Вопрос гораздо глубже и принципиальнее...

Фу-ты, как скучно начал. Ближе к делу. Говори прямо, как я тебя зажимаю...

— Что я обнаружил, вернувшись на завод? Обнаружил прежде всего, что дирекция не имеет контакта с заводом и не стремится к этому контакту...

Врешь, прежде всего ты обнаружил, что завод пере- выполняет программу из месяца в месяц. При старом директоре не вылезали из наркомата, плакались — скиньте процентов пятнадцать, не управляемся, мощно- сти не хватает...

— Никакой согласованности у нас, по сути дела, нет, а есть только единоначалие, точнее сказать — единовла- стие, еще точнее — директорское самодержавие...

Смотри, какая точность...

— Никогда наш завком не занимал в жизни пред- приятия такое ничтожно малое место, как сейчас...

Кто ж тебе виноват, голубчик? Сумей занять боль- шое место. Сумей...

— Прежний директор считался с нами, он умел под- держивать престиж профсоюза на заводе...

Да своего-то престижа не поддержал, вот беда. Сня- ли за непригодность...

— Товарищ Листопад пытается подменить собой профсоюзную организацию...

— Факты! Факты! — с легким нетерпением говорит Макаров.

— Пожалуйста. Товарищи, вот здесь записаны фак- ты за один только последний год...

Он потрясает перед залом пачкой листков. Губы у него серые.

Зотов оставил свой блокнот и с приоткрытым ртом смотрит на Уздечкина. Прищурившись, зорко смотрит Макаров. Все смотрят. Такого выступления за годы вой- ны не слышали на городском активе.

Уздечкин перечисляет невыполненные предложения технических конференций. Порядочно — штук двадцать. Есть очень дельные. Черт его знает, и в самом деле: по- чему они не выполнены? Одни — потому, что параллель-

ные проекты разрабатываются у главного технолога, другие как-то забылись за более срочными делами...

— Вывод такой, что директор плохо прислушивается к голосу масс...

Печальный вывод.

— ...зато каждое требование главного конструктора выполняется моментально, как будто это приказ наркомата...

Да, старичка берегу, что верно, то верно.

— У главного конструктора ревматизм или там подагра, так он перенес работу отдела к себе на квартиру. Инженеры ходят к нему заниматься. Товарищи, это же недопустимое явление: что за частная контора в условиях социалистического производства!

А уйдет главный конструктор на пенсию — лучше будет? Другого такого не скоро сыщешь.

— Или возьмем историю с начальником литейного цеха Грушевым. Завком против того, чтобы его премировали; а директор премирует, что называется, каждую пятницу. Лично я высказывался и против награждения его орденом.

— Почему? — спрашивает Макаров.

— Потому что у рабочих определенное мнение о нем. Потому что Грушевой думает только о своей выгоде, как бы выдвинуться... Но директор к нам не прислушался.

А мне некогда разбираться, о чем Грушевой думает. Цех Грушевого систематически перевыполняет программу по взрывателям, и я представляю Грушевого к награде, — просто и ясно.

— ...Если требуются средства на наши культурно-массовые или бытовые мероприятия, то директор отпускает неохотно, и приходится долго просить и доказывать. И в то же время за победу над командой «Спартак»

он дал каждому из наших футболистов по тысяче рублей, а вратарю две тысячи...

— Нет, правда? — Зотов живо поворачивается к Листопаду. — Ух, черт!.. — говорит он с восхищением.

— Невозможно определить, чем руководствуется директор в своих симпатиях и антипатиях. Между прочим, для него не существует различия между людьми, пролившими кровь за родину, и людьми, которые всю войну просидели в тылу...

— Демагогия! — крикнули в зале. Крикнул старик Веденеев, у которого младший сын убит на фронте, а старший возвращается без ноги...

У Зотова на лице нескрываемое удовольствие. Вот так *пропесочивают* директора Кружилихи! Ну и ну!

— ...Таким образом получается, что завком директор не оставляет на производстве ничего, кроме организации социалистического соревнования...

— Ну, это не мало... — замечает Макаров. — Это не мало. Дай вам бог справиться...

— ...и тут мы бесправны. Когда доходит до оценки показателей, является директор и отстраняет нас. И работники, которых мы намечаем, остаются в тени, а на первое место выдвигаются люди, угодные директору...

— Потому что у меня другая мерка, чем у вас! — кричит Листопад, первый раз не сдержавшись. — Потому что я сужу человека по его труду, мне дела нет, в скольких там ваших комиссиях он состоит!..

— Вы слышали, товарищи! — кричит Уздечкин. — Директору дела нет до общественной работы!

— Демагогия! — опять кричат из зала.

— Тише! — кричат другие. — Дайте ему говорить! Не мешайте ему!